

РАЗДУМЬЕ О ЖИЗНИ,

О ЧЕЛОВЕКЕ

МЕЖДУ Первой (1944 г.) и Второй (1959 г.) симфониями Андрея

Баланчивадзе лежит срок в пятнадцать лет. В жизни советского народа то были годы великие, исполненные борьбы, крутых общественных сдвигов. Все это не могло не запечатлеться в творчестве А. Баланчивадзе, художника на редкость чуткого, отзывчивого к современности. Первая симфония родилась в суровую военную пору, Вторая — в дни мира и труда народа-победителя, строящего новое общество.

Невольно напрашивается сравнение этих двух капитальных произведений маститого грузинского композитора. Оно небезынтересно в плане чисто теоретическом. Несмотря на заметную общность стиля, симфонии эти различны, почти противоположны одна другой. Возвышенная героика, острота драматических конфликтов Первой и тончайшая, проникновенная лирика Второй, мощный ораторский пафос — и речь спокойная, негромкая, рожденная глубокими раздумьями о жизни, о человеке, о самом сокровенном, что лежит на сердце.

Мне кажется, тут выступает не простое отличие концепций двух произведений, созданных в разные годы. Это скорее признак общей эволюции художника, стремящегося в своем творчестве ко все большей лиричности высказывания. Примета характерная! Не характеризует ли она в какой-то мере складывающийся современный художе-

ственный стиль, о котором у нас последнее время так много и громко спорят?

Вторая симфония Андрея Баланчивадзе — произведение лирическое по своей природе, очень светлое, ясное. В музыке не услышишь сильных драматических контрастов, эмоциональных «бурь» (что иные критики почитают обязательным признаком современных симфоний). Это поначалу озадачивает. Думаешь: как можно наш колоссальный по масштабности мир, мир динамичный и многоликий, выразить в одной только лирике? А. Баланчивадзе отвечает: можно выразить. И он убеждает нас в этом своей музыкой. Пусть в ней нет монументальности, кипения противоположающихся сил, изобразительной картинности — слушателей покоряют предельная искренность повествования, серьезность мысли, приоткрывающей психологические глубины жизни.

Построена симфония своеобразно. Четыре ее части расположены в цикле в несколько необычной последовательности: медленные, простые по форме первая и вторая части, масштабная, структурно значительно развитая и более подвижная третья часть (в этом Allegro помещена главная кульминация симфонии, разрешается ее внутреннее действие) и, наконец, медленный, сдвинутый по настроению с первыми двумя частями, финал, который можно назвать эпилогом, своего рода кратким послесловием «от автора».

Красота и действенность музыки симфонии — в ее ярких мелодических образах. Композитор щедро выказывает свой мелодический дар. Укажу, к примеру, на главную тему второй части, на побочные темы первой и третьей частей, в основу которых положены подлинно народные мелодии. Особенно запоминается тема из третьей части — проникновенный напев — обращение к черной ласточке. Симфония вся поется, дыхания ее широкое и вольное. В музыке много света, эмоциональной открытости, какой-то пленительной сердечности тона. И если уж искать тут исторические аналогии, то в первую очередь вспоминаются симфонии В. Калинникова, характерный для них лирический песенный склад, принципы развития. Все это очень посвоему, ярко национально преломилось во Второй симфонии А. Баланчивадзе.

В этом талантливым произведении есть свои недостатки. Мне кажется, что лирическое выражение не освобождает художника (особенно, если он создает произведение масштабное) от принципов драматургии. Конечно эти принципы должны существенно измениться, и встает задача — найти их новое преобразование в лирике. А. Баланчивадзе не всегда находит эти новые драматургические ходы и приемы, и вполне справедливо замечание Д. Кабалевского о том, что в симфонии «не все убедительно в конструктивном отношении». что финал «те-

ряет в своей выразительности от того, что ему предшествует много медленной

музыки в первых частях». Простой переход от одного эмоционального состояния к другому — еще не драматургия. Необходимо некое организующее начало, которое свело бы воедино все повороты, все оттенки повествования.

И еще: лирика значительно выигрывает в силе и выразительности от ярких контрастных сопоставлений. Я думаю, музыке симфонии, при всем богатстве ее эмоционального тона, где-то недостает улыбки, ноток молодого задора и озорства. Обилие сдержанных, углубленных состояний порой ослабляет внимание слушателя.

Симфония великолепно звучит в оркестре. Инструментовка ее прозрачная, с частым применением инструментальных соло. Привлекает тонкое чувство тембрового развития.

Вторая симфония А. Баланчивадзе — одно из примечательных достижений советской музыки последних лет. Не будучи полностью совершенным творением нашего симфонизма, обладая известными недостатками и слабостями, она тем не менее ставит значительные творческие проблемы, свидетельствует о растущем уровне мастерства композиторов, работающих в симфонических жанрах, о широте творческого диапазона одного из видных мастеров грузинской музыки, который, бесспорно, порадует нас в ближайшие годы новыми, еще более яркими успехами.

А. МЕДВЕДЕВ.